

ЛЕГЕНДЫ МАГНИТКИ | Звание первого жителя нашего города по праву принадлежит Андрею Сулимову

Сезонники, бараки и землянки

ГАЛИНА МИРОНЕНКО,
ведущий архивист городского архива

Магнитогорск, которому исполнилось 85 лет, всё ещё можно отнести к категории молодых городов. Хотя по насыщенности событий в его истории Магнитогорск может поспорить и с более старыми городами.

Символом начала стала брезентовая палатка, воспетая Борисом Ручёвым и запечатлённая в 1966 году в памятке скульптора Л. Головинского и архитектора Е. Александрова и, наконец, отражённая в гербе города. Но по правде сказать, палатки, как временное жильё, по свидетельствам очевидцев, использовались лишь до начала холодов 1931 года. А вот бараки просуществовали до начала восьмидесятых годов. В 30-е их строили в авральном порядке, рабочих часто заселяли в недостроенные бараки, без крыш. Были ещё и землянки, которые сооружались рядом с палаточными городками. Во время Великой Отечественной войны землянки пригодились для размещения эвакуированных с западных областей страны, хотя постановление правительства об их сносе было принято ещё в 1936 году.

Звание «первого магнитогорца» по праву принадлежало Андрею Ивановичу Сулимову. Он — коренной уралец, родом из Белорецка, участник первой мировой и гражданской войн, член ВКП(б), проявивший себя как способный руководитель рабочей кооперации, был направлен в станицу Магнитную «для подготовки жилища и бытовых условий... первых отрядов строителей». В своих воспоминаниях о Магнитострое он приводил слова, сказанные ему первым секретарём Уралобкома Иваном Дмитриевичем Кабаковым: «Вы — счастливейший человек, что первый едете на такую величайшую стройку, равной которой не было и нет».

Андрею Сулимову предстояло организовать рабочее снабжение «лучше и обильнее, чем в любом уральском городе...» Эти требования были оправданы, так как первостроителям предстояло строить и жить в голой степи, без благоустроенного жилья, учреждений культуры и школ. В действительности же всё оказалось ещё сложнее. По воспоминаниям Сулимова, жилища или бараки строили рядом с площадкой будущего завода — для временных строителей. Так как «сезонники» возводили только в летний

период, то свои семьи строители оставляли дома. Первые бараки и сооружались именно для таких рабочих — без разделения на комнаты для семей.

Никто не рассчитывал, насколько грандиозными окажутся масштабы строительства. Первоначально для снабжения рабочих планировалось завезти товаров на 25 тысяч рублей. Но уже к началу зимы 1929 года выявился оборот до миллиона рублей.

Что же до специалистов, то, по мнению первого секретаря И. Кабакова, они были «людьми старой школы, привыкшими к полному достатку, барским удобствам». Им было необходимо оказывать особое внимание в части снабжения. Кроме того, в приказах по управлению Магнитостроя всем специалистам, приезжающим на строительство и определяющимся на службу, гарантировали ориентировочный оклад, предоставление отдельной квартиры с оплатой по коммунальным ставкам, с выдачей подённых, в которые входили «все расходы, связанные с переездом специалиста и его семьи».

Специалисты зачислялись в штат Магнитостроя как с испытательным сроком, так и без. А вот оклады соответствовали зани-

маемым должностям. К примеру, начальник мартено-бессемеровского цеха зачислялся в штат с окладом в 650 рублей, чертёжник-конструктор принимался с ориентировочным окладом содержания в 100 рублей. Ну, а прочие должности в управлении, такие как уборщица и рассыльная — с окладом содержания в 31 рубль.

Когда проложили ветку от станции Карталы до Магнитостроя, стало прибывать большое количество рабочих. Тем не менее, в сводке текущей информации, подготовленной Магнитогорским райкомом, в ЦК ВКП(б) 6 сентября 1939 года о положении и настроении рабочих кадров на Магнитострое заявлено об отсутствии достаточного количества рабочей силы. Рабочие тысячами приезжали, но тысячами и уезжали. В апреле 1930 года на стройку прибыло 2975 рабочих, а убыло 2262. С 1 по 25 августа прибыло 3600 рабочих, а убыло 3200.

О причинах текучести в документе говорилось буквально следующее: «Нечёткая организация работ, отсутствие правильной расстановки рабочей силы, использование её не по специальности, острый недостаток жилищ, отвратительное состояние с

общественным питанием, плохое товароснабжение, отсутствие чувства ответственности со стороны низовой администрации, слабое культурно-массовое и санитарное обслуживание и ряд других причин».

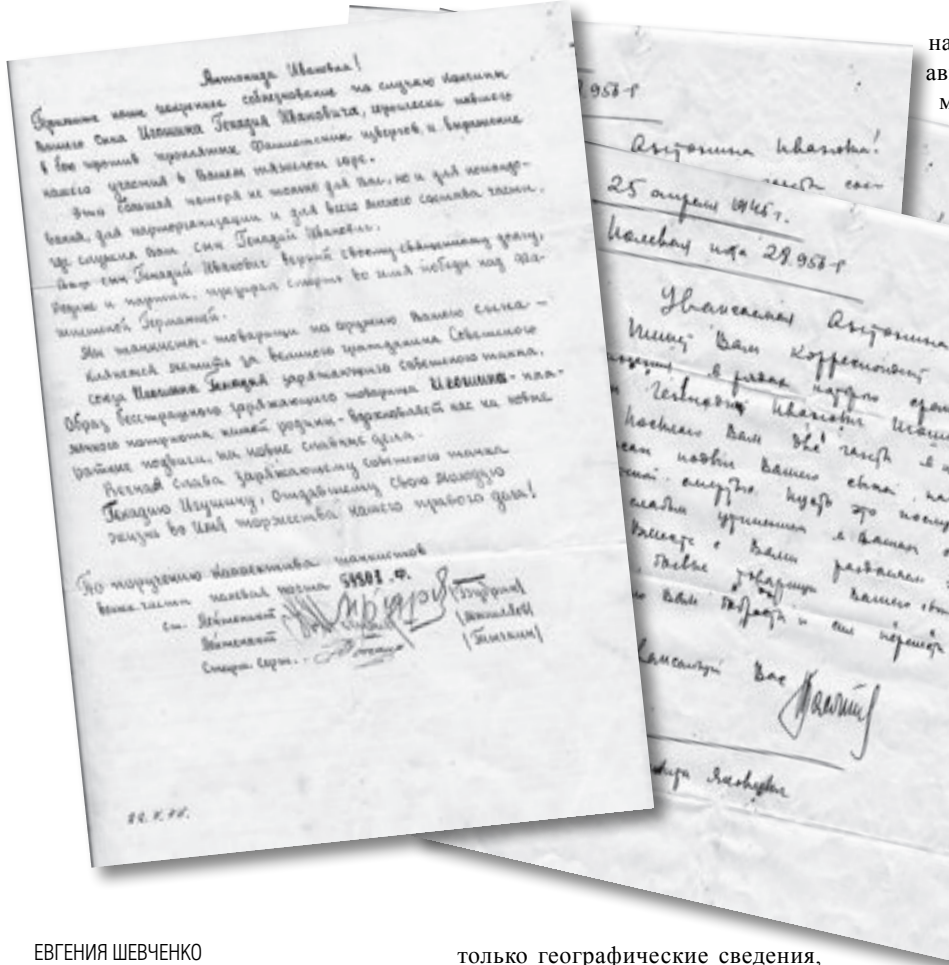
В журнале «Магнитострой» за 1931 год в статье под громким заголовком «Магнитострой рапортует» вместе с победной речью о вступлении первой очереди Магнитогорского завода «в полосу опытной проверки всех агрегатов и механизмов», жилищное и культурно-бытовое обслуживание рабочих характеризовалось как наиболее отсталый участок.

К 1936 году временный жилой фонд Магнитогорска, разбросанный на девятнадцать участках, согласно отчёту горсовета, составлял 72,6 процента всей жилой площади, то есть большая часть населения города продолжала жить во временном жилье.

Впрочем, несмотря на трудности в быту, отсутствие благоустроенного жилья, один из актуальнейших вопросов, прозвучавших в отчёте горсовета за 1936 год, который нужно было решить «в ближайшие год-два», был вопрос, связанный с потребностями магнитогорцев в области культуры. Но это уже другая история.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ | Старшее поколение задаёт семейные традиции — учит родниться

Дедово наследие

навестить брата на 80-летие, а в августе Леонид Хитрин с внуками сам собирается в Верхотурье, к тамошней родне, поклониться могилам. И выбирается туда каждые два года.

Семейственность для него — главный жизненный ориентир. Надо слышать, с какой любовью он рассказывает о жене: «Леночка у меня чудесная!» И конечно — о детях и внуках. Как гордится кулинарными умениями жены, которая печёт пирожки и плюшки. Как радуется тому, что младшая внучка, второклассница Настенька, летом живёт с ними в саду. А семья для него — понятие большое, широкое. И пусть давно нет на свете танкиста Геннадия Игошина, для Леонида Хитрина важно, чтобы в семье о герое знали и помнили.

Словом, именно старшее поколение задаёт традиции — учит родниться. Впрочем, и у самого Леонида Ивановича многому можно поучиться. Он — настоящий трудяга, работает с пятнадцати лет. Начинал ещё в Верхотурье учеником киномеханика.

ЕВГЕНИЯ ШЕВЧЕНКО

80-летний читатель «ММ», ветеран ММК Леонид Хитрин пришёл в редакцию с просьбой рассказать о подвиге своего двоюродного брата Геннадия Игошина. Резон прост — не осталось никого, кроме Леонида Ивановича, кто бы знал Геннадия лично. Пора передать эстафетную палочку памяти следующим поколениям.

Впрочем, и сам Леонид Хитрин не много помнит — ведь ему было-то всего семь, когда в 1942 году 18-летнего брата призвали на фронт. Жили в рабочем посёлке Вахтан Горьковской области. Родители трудились на химическом заводе. Проводы запомнились мальчишке на всю жизнь — тётюшка Антонида Ивановна, родная сестра его отца Ивана Ивановича, наварила пельменей — неслыханная роскошь для военного времени.

Геннадий не вернулся с фронта — заживо сгорел в танке. Когда Лёне исполнилось двенадцать, ему доверили хранить статью из газеты «Армейская правда», соболезнование товарищей по оружию и письмо военного корреспондента. Эти пожелтевшие бумаги спустя много десятилетий Леонид Хитрин принёс в редакцию «ММ». В них — короткая история подвига...

Танковый взвод получил задачу обойти западную окраину немецкого городка и, выйдя к реке, держать переправу до подхода стрелковых подразделений. Танк № 514 вёл командир взвода младший лейтенант Дмитрий Мухин, казак из Краснодарского края, окончивший Сталинградское танковое училище. Командир орудия — Дмитрий Целушков из Тюменской области, на фронте уже три года, сражался за Смоленщину, Украину, освобождал Польшу. Механик-водитель Василий Маслов — трижды награждённый, бывший тракторист, самый старший из экипажа — ему было двадцать шесть. Про радиста сержанта Кроваткина и заряжающего, сержанта Геннадия Игошина в статье

Передать память о погибшем в войну солдате — святое дело

только географические сведения, один окончил школу в селе Бычки Рязанской области, другой — волжанин, Горьковская область. Биография короткая — жизнь только начиналась.

В пятистах метрах от крайних домов немецкая противотанковая пушка, стоявшая на прямой наводке, подожгла танк. Снаряд пробил башню и застрял в моторной группе. Радист Кроваткин передаёт: «Горим, Мухин ранен. Целушков убит». Затем: «Тушить нельзя. Загорелась боеукладка и масляные баки». Леонид Хитрин много раз перечитывал эти строки. Понимал, что солдаты могли бы выбраться из горящей машины. Но никто не нарушил последующего приказа — выполнить, во что бы то ни стало. В последний раз заработала рация, раненый Мухин обратился к командирам других танков: «Ося... Петро... Прощайте... Умрём, как комсомольцы, за победу!» Пылающий танк ворвался во вражеские позиции, раздавил станковый пулемёт, последним выстрелом в упор разнёс противотанковую пушку.

Обращаешь внимание и на письмо военкора Никиты Полотникова — он обращается к Антонеде Ивановне со словами соболезнования, желает твёрдости и сил пережить горе. Сколько было погибших в то лихое время, и всё же журналист ощутил душевную потребность написать тёплое письмо матери, потерявшей единственного сына.

Позже семьи Игошиных и Хитриных переехали в Верхотурье Свердловской области — там требовались сотрудники на химический завод. Антонида Ивановна и Иван Кузьмич усыновили мальчика — Аркадия. Лёня и Аркаша сдружились. «Ещё бы, четыре года в детстве спали на одной кровати», — смеётся Леонид Иванович. В нынешнем году Аркадий приезжал

ФОТО: ЕВГЕНИЯ КУЗНЕВ

ЭКСПОЗИЦИЯ

Музей на колесах

АЛЕНА ЮРЬЕВА

В Магнитогорске в скором времени откроется первый в Челябинской области музей ретро-автомобилей.

Сегодня трудно установить, когда появилась первая в мире коллекция ретро-автомобилей. Но за минувшие десятилетия это увлечение охватило весь мир. Подогревает его и возрастающий в обществе интерес к истории, во всех её проявлениях. Кстати, несколько лет назад коллекционированием ретро-автомобилей увлекся и Владимир Путин, начав свою коллекцию с «ушастого» запорожца.

— То, что в нашем городе откроется музей ретро-автомобилей — это очень хорошо, — считает учёный секретарь городского краеведческого музея Виктор Котлов. — Это своего рода новое направление в культуре, которое раньше было доступно лишь крупным городам. Есть автомобильная «мода» и «повседневность». Так почему бы не появиться и автостории?

Собирая и выставляя автоколлекции, их владельцы культивируют тем самым ретро-движение в городе, области, стране. А, кроме того, музей может стать своеобразной площадкой для общения, где коллекционеры и все, кого интересуют ретро-автомобили, могут обменяться впечатлениями и информацией.

— Цель таких ретро-выставок и музеев — развитие в обществе культуры сохранения и восстановления автомобилей, которые имеют высокую историческую и материальную ценность, — считает коллекционер ретро-автомобилей Виктор Жуков. — Было бы здорово, если бы в дальнейшем появились и ретро-автоклуб, где смогут собираться специалисты в области реставрации, коллекционеры и просто любители старых авто. Это поможет формировать культуру реставрации автораритетов.

На ценность автомобиля влияет не только его возраст, но и «личная» история. В особом почёте экземпляры, чьи владельцы были людьми известными и незаурядными. Таких машин — единицы, а их судьба — предмет пристального внимания коллекционеров. Об этом и многом другом магнитогорские любители автостарины смогут узнать в музее аутентичных авто, который откроется в скором времени. Его экспозиция продемонстрирует горожанам, что автомобиль может быть не только средством передвижения, но и арт-объектом, представляющим художественную и культурную ценность. А также частью истории, отражающей этапы развития зарубежного и отечественного автопрома. Более того, в этом музее свои коллекции смогут выставлять и другие коллекционеры. Так что экспозиция будет меняться и дополняться.

Кстати, подобными музеями пока могут похвастаться немногие города — Рига, Москва. А теперь ещё и Магнитогорск.

СУДЬБА

Трижды пропавший без вести

АЛЛА КАНЬШИНА

Бывает, что трудная судьба остаётся незамеченной современниками. Хорошо, если после ухода человека находится тот, кому важно восстановить справедливость.

Для ветерана Людмилы Игнатовской дело семейной чести — сохранить добрую память о своём отце Макаре Кононовиче Игнатовском. До войны он служил следователем, был на хорошем счету, его даже командировали в Свердловск на поимку маньяка. Учился в школе милиции, но тут — война. Его призвали в числе первых. Писем не было, но трижды за войну приходили извещения: «Пропал без вести». А он, оказавшись в плену после контузии, раз за разом бежал из лагерей. Его ловили, отправляли в другой лагерь, избивали до полусмерти, однажды даже бросили в яму с покойниками, считая уже мёртвым. Выжить помогли подпольщики, действовавшие и в лагерях смерти: подкармливали, давали одежду, снятую с убитых.

Война для Макара Игнатовского кончилась в апреле сорок пятого, когда его с другими заключёнными освободили из Бухенвальда. Но не окончили его заключения: ещё двадцать лет он был причислен к «предателям» — прошедшие концлагеря долго оставались беспартийными. Дочь помнит, как мама с бабушкой ахнули, когда он появился на пороге барака. Рады были его спасению, хотя мама уже была замужем. Позднее женился и он, но полностью восстановиться не смог: прокуратура следила за тем, чтобы у таких, как Макар Игнатовский, не было постоянной работы. Пока в шестидесятые не реабилитировали попавших в плен, он нигде не мог устроиться дольше, чем на полгода. Спасали навыки шимоката, полученные в родительской раскулаченной семье.

В прежней семье тоже было непросто: у дочери Людю долго было затмение в лёгких. Когда умерла мама, девушка даже не посмела отпроситься с работы на её похороны: боялась, что потеряет место в столовой, которое позволяло пусть вырголодь, но держаться.

Макар Кононович дожил до девяноста года, успел получить политическую реабилитацию. У него трое внуков и столько же правнуков. Как во многих семьях, благополучие потомков оплачено непростой судьбой репрессированного фронтовика.

Доблесть не лезет из толпы, не жадничает и позволяет забывать о себе. Екатерина II